

Берега Памяти

Николай Жуков

Николай Викторович Жуков – родился в Донецке в 1957 году. Окончил среднюю школу № 21 Донецка, Донецкий техникум физической культуры и спорта с «отличием». В 1976 году был призван на Краснознамённый Балтийский флот. Делегат 18-го съезда ВЛКСМ. Окончил Киевское высшее военно-морское политическое училище, Гуманитарную академию Вооружённых Сил РФ. Служил в морской пехоте, на боевых кораблях и в спецназе Балтийского флота. Решал задачи боевых служб, парашютист, офицер-водолаз спецназа, мастер боевых искусств, награждён медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» 2-й степени. Уволился в звании капитана 2-го ранга. Работает в МБОУ гимназии № 7 им. Константина Покровского в Балтийске, преподаватель-организатор ОБЖ высшей категории, обладатель гранта «Лучший учитель», победитель конкурса «Учитель года – 2022», лауреат, победитель, призёр и дипломант многих литературных конкурсов.

ПЕТРОВИЧ

А на груди его светилась медаль за город Будапешт...

*Моему деду Жукову Алексею Петровичу,
ветерану Великой Отечественной,
посвящается*

События, о которых я поведаю вам в моём рассказе, происходили в стране, имя которой было – Советский Союз, сейчас её принято вспоминать в прошедшем времени как что-то прошлое и негативное. Рассуждать можно по-всякому, но была страна и были люди, были победы и поражения, а точнее сказать – была жизнь...

Разгар лета... Многие друзья разъехались по пионерлагерям, бабушкам, дедушкам, морям и деревням, готовясь к тому, чтобы потом, после возвращения, взахлёб рассказывать на сходках-посиделках о своих летних похождениях. В тот год я никуда не собирался ехать отдыхать, и поэтому день и ночь носился в синих трусиках с венчиком из сухих веток за бабочками, которых мы делили на бабочек и цариков. Цариками на Донетчине называют крупных бабочек, которые нами, ребятами, ценились дороже, ну а обычные бабочки просто шли в счёт каждого охотника. Солнце относилось к моей коже очень дружелюбно, и поэтому уже через пару недель я выглядел, как кубинский партизан, чёрным с синим отливом, очень гордясь тем, что совсем не сгораю, слыша за спиной завистливые оценки окружающих. Мои закадычные друзья Валерка, Витька, Славка и Алёшка самоотверженно преследовали летучих паразитов, делая всё, чтобы в дальнейшем гусениц оставалось меньше. В душе мы считали себя не только защитниками зелёного мира, но и защитниками своей земли от непрошенных врагов.

Мне повезло, потому что в нашей семье после войны остались живы оба дедушки. Первый, который постарше, Максимович, был железнодорожником и выполнял работу по доставке грузов, необходимых для фронта и победы. А второй дедушка, которого все уважительно называли Петровичем, имел судьбу непростую, я бы сказал, особенную, тайна которой долгое время мне не раскрывалась благодаря неразговорчивости деда и молчанию близких мне людей.

В раннем детстве я знал, что дед воевал, имел ранения, был награждён какими-то серьёзными наградами, в которых я, честно говоря, тогда не разбирался, но так как родился всего через двенад-

цать лет после Великой Отечественной, то относился к её солдатам весьма уважительно. Тогда часто приходилось видеть фронтовых калек, ползущих на деревянных тележках с подшипниками вместо колёсиков, бредущих по вокзальной площади или по рынку на костылях. Их было жалко до глубины моей детской души. Оба моих деда всегда давали им деньги в нашем присутствии, и милостыней это никому из нас не казалось. Эхо войны, говорили о таких людях писатели и поэты, а мы, пятилетние мальчишки, мечтали, чтобы и на наш век обязательно была война, где мы бы показали, как нужно защищать Родину.

Именно поэтому нашей самой любимой игрой была игра в войну, и я, как все мои друзья, упрямил родителей купить игрушечный автомат или в крайнем случае ружьё с пистолетом, чтобы изображать наших. Мы всегда делились на русских и немцев или просто, объединяясь в одну команду, представляли, что вступаем в бой с фашистами или беляками. Прячась в высоких подсолнухах или кустах, перебираясь с огорода на огород, безжалостно вытаптывая посевы и всё, что можно было вытоптать, изображая войну, представляя себя в качестве наших солдат или моряков. Но, в конце концов, в самый разгар игрищ в воздухе всегда зависал звонкий голос мамы или бабушки: «Коля, иди обедать!», или чего лучше: «Валера, иди кушать колбасу!»

Больше всего мы любили художественные фильмы о войне, их в те годы называли кинокартинами, и отличались они высоким накалом патриотизма, мужества и героизма, мы обязательно с интересом просматривали их, обсуждали эпизоды и старались воспроизвести отдельные моменты в игровых сценах своего самодеятельного театра с постоянно меняющимися декорациями. Ими служили различные закоулки, заросли лопухов, сточная канава, чьи-то огороды, а может быть, даже и «запредельные территории». Увлекаясь боем, мы могли оказаться во дворе шахтного Дома культуры с прилегающим бомбоубежищем, школе с фруктовым садом, детском саду, сквере, заросшем кустами жёлтой акации. И горе, если мы не успевали вернуться к обеду в пределы родной улицы. Опасность получить по первое число всегда сохранялась, ибо окружающий мир манил, и нередко наше стремление познать его делало нас жертвами родительского кожаного ремня.

Каждую субботу, во второй половине дня, в наш переулок въезжал старенький зелёный велосипед ХВЗ, на котором восседал мой дедушка Алексей Петрович, транспортное средство было всегда ухоженным, смазанным и поэтому ехало бесшумно и бодро, на голове дедушки неизменно красовалась соломенная летняя шляпа, вздёрнутая спереди, как у Портоса из «Трёх мушкетёров». А штанины брюк были прихвачены бельевыми прищепками или заколоты булавками, чтобы не закусил колёсная цепь. Петрович был крепкого сложения, физически силён, всегда собран и серьёзен. На выходные он забирал меня к себе и бабушке Лиде в посёлок с необычным названием Жилплощадка, где я оставался почти совсем один без своих постоянных уличных друзей. А их функции брали на себя мои тётки, бабушка и, конечно, сам дедушка.

Маршрут нашего велосипедного движения Петрович постоянно менял, чтобы мне было интересней. Частенько дорога шла вдоль железнодорожного полотна. Нас то и дело обгоняли грузовые и пассажирские составы. Их с большими потугами тянули по два сцепленных друг с другом паровоза. Набирая приличную скорость, они и пронзительным свистом, и стуком колёс пугали меня порой до слёз. В иных случаях мы двигались по густой лесопосадке, почти не встречая пешеходов. Сужавшаяся тропинка пробегала возле небольшой солдатской могилки, затерянной в чаще, но всегда убранной и с покрашенной оградкой. Возле неё дед останавливался, прекращал петь старинную украинскую песню о запорожском гетмане Сагайдачном и, сняв с головы соломенную шляпу, подолгу молчал, как будто стараясь что-то мучительно вспомнить.

«На войне, внучек, многие солдаты полегли, от самого Бреста до Сталинграда и обратно до Берлина, такими вот могилками вся земля усеяна, там и моих боевых друзей много осталось!» – говорил дедушка, начиная свой рассказ. Дед был человеком немногословным, не обладающим высокохудожественными способностями, но умел очень хорошо петь и шутить. Часто мы пели дуэтом, и в свои пять лет я знал множество песен, звучавших в то время с грампластинок, из радиоприёмников, репродуктора, висевшего на стене у окна, и с экрана, первого на нашей улице, телевизора «Старт». Многие песни со мной разучивала мама, черпая их из популярных тогда книжек-песенников.

Донецкая земля – край степной, в древности её называли Диким полем, конца и края ей не видно, а когда приспособили степи под сельское хозяйство, то высадили периметрами ровные и неширокие лесопосадки, чтобы защитить земли от степных ветров и не позволить им уносить с собой плодород-

ный слой. Лесопосадки состояли из канадских клёнов, белых акаций и маленьких дубков, некоторые из них были из фруктовых деревьев, это и абрикос, и шелковица, которую на Востоке называют тутой. Ближе к железнодорожному полотну, окаймляя края зелёной стены, тянулись кусты сирени и заканчивались они где-то у самого Мариуполя на юге и неизвестно где в другой стороне, а период их цветения в наших краях совпадал с майскими праздниками и Днём Победы, который в нашей семье считался и праздновался по-особому.

В небе весело пели жаворонки, эти птицы в детстве вызывали у меня ассоциации с теплом весны, свободой и бескрайней украинской степью, стрекотали многочисленные кузнечики и сверчки, всё вокруг цвело и благоухало, а солнце начинало склоняться к западу. Полевые цветы не имели той пышности и яркости, как их собратья, растущие в садике бабушки Лиды, но были яркими точками, светящимися всеми цветами радуги и сливающимися в огромный персидский ковёр, пахнущий пыльной горечью и цветочным мёдом.

В детстве я четко делил окружающий мир людей на своих и чужих, на немцев и русских, на красных и белых, причём неизменно испытывал ненависть к врагам и был уверен в правоте наших. Мне казалось, что красные и советские всегда были добрыми и справедливыми, и те «враги», которые их понимали и переходили на нашу сторону, оставались навек благодарными за правильно указанную дорогу. Но многое из окружающего было и неясным, и нередко приходилось задавать самые различные вопросы взрослым, в том числе и Петровичу, о природе, войне, труде, о наших предках и обо всём, что приходило тогда в мою чернявую голову. Дед всегда отвечал простым и понятным языком труженика, имевшего за спиной всего четыре класса церковно-приходской школы. Он рассказывал одни и те же случаи, смысл которых становился ясным для меня гораздо позже, по достижению более зрелых лет.

Громыхнула война... и деда мобилизовали в возрасте тридцати двух лет на фронт. В то время основная часть Красной армии, служившая по довоенному призыву, мужественно дралась с фашистами за каждую пядь родной земли, отступая на восток, зарывая в земной шар погибших, теряя солдат, попавших в фашистский плен и пропавших без вести, оставляя за собой территорию, которую позже назовут «оккупированной». Именно она и стала камнем преткновения для многих граждан, так и не сумевших осуществить свои юношеские мечты о будущем. Мой отец в послевоенные годы тщетно пытался несколько раз подать документы в мореходные училища, но всегда получал сухой отказ, между строк которого было напоминание о той самой «территории». До осени сорок первого года Петрович добывал донецкий антрацит, так необходимый для нашей страны, но враг уже подходил к Донбассу, и всех мужчин призвали на фронт.

В свой первый бой дед так и не успел вступить, потому что вместе с полком попал в окружение под Харьковом. Оружия в подразделениях не хватало: имелось по одной винтовке на пятерых, а об автоматах и говорить не приходилось. Молодые офицеры, наскоро выпущенные из училищ, чувствовали себя неуверенно, и, когда на пригорке их полк окружили немецкие мотоциклисты, они не сумели ничего предпринять и попали в плен вместе со всеми подчинёнными, так в колонне и погнали всех в концлагерь.

Петрович не любил вспоминать об этом факте из своей биографии по нескольким причинам. Одной и самой главной была та, что у России пленных не было, а были только предатели, а второй причиной была возможность продолжить отсидку, но уже в морозных сибирских, уральских и магаданских сталинских лагерях.

В лагере деду было обидно до слёз за свою беспомощность, но он как боец и в плену, в нечеловеческих условиях не терял ни веры и ни надежды. Помогала солдатская взаимопомощь, взаимовыручка и мысли о своей семье. Для пленных бойцов и за колючей проволокой главным оставалось правило: сам погибай, а товарища выручай! И под палящим летним зноем, и холодными осенними проливными дождями, и в условиях зимних морозов советские военнопленные старались выжить, помогая друг другу.

В концлагере кормили отвратительно, из-за этого многим не хватало сил для того, чтобы вернуться в свой барак после работы. Трудиться заставляли, чтобы быстрее избавиться от огромного количества пленных, измотав их голодом, холодом и болезнями.

Спасение пришло оттуда, откуда не ждал. Среди обслуживающего персонала лагеря были повара, сапожники, лудильщики, столяры, плотники из числа пленных, которые содержались в несколько

привилегированных условиях. У них и пайка была сытнее, и отношение со стороны немцев к ним было более лояльное. Как-то раз, на работах, подошёл к измученным красноармейцам человек из хозяйственной команды и спросил на украинском языке: «А чи є хтось із Сум?» Дед поднял руку. После нескольких вопросов Иван, так назовём земляка, сказал, что заберёт его к себе помощником, так и случилось.

В лагере Петрович работал добросовестно и старательно, потому что по-другому не мог. Он с детства был приучен к тяжёлому сельскому труду и уже в пятнадцать лет жил самостоятельно, работал подмастерьем на енакиевской шахте. Крутой нрав и природная гордость не позволили Алексею Петровичу найти общего языка со своей мачехой, и тогда отец предложил ему уйти из семьи, где и без того оставалось много детей. Обида на своего отца у деда была очень глубокой, но уже через год на заработанные деньги он купил корову. Это была какая-никакая, а помощь младшим братишкам и сестрёнкам.

Общий язык с Иваном дед нашёл быстро, сумел одеться теплее, набрал немного силёнок, а так как мысль о побеге присутствовала постоянно, задумал сделать это зимой. Земляк оказался человеком стоящим, перед фашистами голову низко не склонял, но работу свою делал как надо. А через некоторое время сам предложил Петровичу бежать при первой же возможности. И возможность наступила скоро.

Хозяйственный обоз отправлялся в дорогу через несколько суток. Возницами на сани назначали двух человек, одним из них стал мой дед. Дорога была дальняя и на одном участке проходила неподалёку от родных мест. Временем для побега он выбрал ночь, а, когда произошла подмена для отдыха, дедушка сделал вид, что заснул, незаметно соскользнул с саней и быстро побежал в темноту. Немцев в охране было немного, да и беглеца вовремя не заметили, так как для контроля они ограничивались редким запуском световых ракет и беспорядочной стрельбой из автоматов и карабинов больше из-за страха. Когда фашисты спохватились, то преследовать не решились, сил было маловато. Так Петровичу удалось незаметно бежать. Налегке он добрался до ближайшего леса, потом пошёл полем, потом снова лесом. Здесь он чувствовал себя уверенно, как дома, потому что вырос в Сумской области, где на песчаной почве росли густые сосняки, в которых он с самого детства умел свободно ориентироваться, находя дорогу даже в пасмурную погоду и ночью. Двигаться он предпочитал по ночам, днём старался отдохнуть, затаившись в недоступном месте. В одной из деревень нашли хорошие люди, накормили, напоили, переодели и спрятали. Потом была дорога на Донбасс, к которому уже подходили советские войска. До Енакиева он добрался вполне благополучно. Однорукий офицер из вновь созданного районного военкомата не отправил деда в штрафбат, не передал дело в контрразведку, где могли легко поставить к стенке, а отправил на переформирование.

Свой первый настоящий бой он принял на Днепре, в районе Запорожья, в 1943 году, где сразу после переправы получил тяжёлое ранение в плечо. Несколько месяцев провёл в военном госпитале в Баку, получив вторую группу инвалидности. Можно было спокойно оставаться в тылу и восстанавливать шахты Донбасса, так как обстановка под землёй была по-настоящему боевая и текучесть шахтёрских кадров была не меньше, чем на фронте. Но ненависть к врагу, стремление мстить за сгоревшие города и сёла, тысячи погибших, поруганных, беспризорных, голодных, лишённых крова людей, за своих родных и близких сжигали его изнутри! Наверно, тогда он думал и о семье, которая оставалась дома без средств к существованию. Но его новый солдатский путь лежал на запад, к границам Венгрии.

В одном из боёв местного значения подразделение пыталось занять высоту, где закрепился враг. Раз за разом молодой капитан личным примером поднимал бойцов в атаку, но меткий огонь немецкого пулемётчика буквально срезал смельчаков и словно тяжёлой многопудовой гирей прижимал к земле всех остальных. «Вперёд!» – вновь и вновь кричал командир, и его крик растворялся в проносившемся над головами бойцов ветре. Воспалённый взгляд разгорячённого офицера остановился именно на Алексее Петровиче: «Вперёд, в атаку, а то расстреляю на месте!» Приказ есть приказ, и законы военного времени жёстки и беспощадны.

«Расстреляют, за что?! Умереть от рук своих, но ведь это же позор!» – гремело в висках солдата. «За что расстрелять?! Что я могу сделать один?!» – прокричал он офицеру, но встал и пошёл вперёд, не кланяясь пулям и осколкам, ведя огонь из автомата в направлении вражеского пулемётчика. В эти мгновенья не было проносившейся перед глазами жизни, не вспоминалось детство в многодетной

семье, не думал он и о своей непростой шахтёрской доле. Ничего возвышенного и пафосного, только одна мысль: «Убить врага!», и пулемёт замолчал, дав возможность подняться в полный рост и броситься к вражеским окопам солдатам подразделения.

Через некоторое время, на всеобщем построении, вручали награды отличившимся бойцам, и тот самый молодой капитан прикрепил к дедушкиной груди медаль «За отвагу».

Цена этой награде на фронте высокая, но радоваться было некогда, впереди были новые бои, лёгкое ранение в ногу, и опять вперёд на запад, туда, где были Будапешт и озеро Балатон.

После медсанбата дед догонял свою часть налегке, шёл пешком, добирался автостопом, часто комендантские патрули проверяли соответствие документов, враг отступал по всему фронту, но чем ближе наши войска подходили в столице Венгрии, тем ожесточённее сражались фашисты, и мадьяры своей жестокостью порой перекрывали своих немецких союзников.

В детстве мне рассказывала бабушка Катя о том, что в гражданскую, при взятии Мариуполя австрийцами, красные не успели эвакуировать свой госпиталь, и раненые расползались по всем дорогам в надежде на спасение. Австрийские солдаты казнями и уничтожением пленных не занимались, оставив это неблагородное дело на откуп венгерским гусарам, и те постарались на славу! Сотни раненых бойцов были изрублены без пощады и жалости. В Отечественную войну венгры не изменяли своим национальным традициям, особенно жестоко они расправлялись с советскими военными разведчиками, захваченными в плен. Рассказывали, что после пыток нескольких моряков-разведчиков Дунайской флотилии они просто облили бензином и заживо сожгли.

Путь дедушки пролегал через венгерское графское имение, средневековый замок, увитый плющом, с огромным двором с хозяйственными постройками и винными погребами. Говорят, что благодаря венгерским виноградным саженцам и графу Потёмкину наш Крым со своей «Массандрой» стал винодельческой столицей России.

Алексей Петрович никогда не злоупотреблял спиртным, но жажда и голод сделали своё дело. Обыскав строения и не найдя ничего съестного, он спустился в громадный винный погреб. В темноте было видно, что кто-то совсем недавно уже побывал здесь, так как огромные дубовые бочки были изрешечены автоматными очередями. Они, как умирающие быки, истекали своей кровью: белым и красным вином, которое перемешивалось на полу погреба с пылью и превращалось в довольно глубокую ароматную лужу, увеличивающуюся с каждой минутой.

Петрович быстро вытащил свой котелок, снял каску и, наполнив их из разных бочек, рванулся к выходу, но споткнулся обо что-то, лежащее поперёк дороги. Когда пригляделся, то увидел труп захлебнувшегося вином солдата. Глаза деда, привыкшие к темноте, рассмотрели страшную картину – утопленников было много, их тела плавали в разливающемся винном ручье, который постепенно превращался в небольшую речку. В сорок пятом году в пределах Венгрии и некоторых других Балканских стран, где виноделие исторически процветало, с жизнью бесславно расставались некоторые наши бойцы, не знавшие меры.

Военная разведка... как это романтично и интересно! Как легко и просто разведчик может справиться с несколькими врагами, как бесшумно он передвигается на любой местности и в любую погоду. А как виртуозно он владеет своим оружием, как много боевых наград у него на груди! Да, первое впечатление обманчиво, но не всё так просто! Как продолжителен век батальонного или полкового разведчика в условиях войны? Для тех, кто внимательно слушал сводки Совинформбюро в период Великой Отечественной, фраза «разведчики ведут поиски» стала вполне привычной, а сколько трудностей и повседневного ратного труда стояло за сказанным! А если рассматривать проблему в масштабе всей громадной линии фронта. Да, в разведку берут только добровольцев, но где их столько найти, чтобы не испытывать недостатка в той необходимой информации, чтобы фронты, армии, соединения и части шли вперёд не вслепую, а со знанием обстановки?

На последнем этапе войны дед попал служить в полковую разведку. Взятие языков, ведение поиска, засады, наблюдение за противником, разведка боем стали делом повседневным, а природная запорожская сноровка и смекалка, передающаяся с генами многим украинцам, физическая сила и жизненный опыт очень пригодились в новом качестве. Он не любил громких слов и высокопарных фраз, делал свою новую военную работу так же прилежно и добросовестно. О смерти, постоянно смотрящей в глаза, не задумывался, а, если бы пришлось вновь сделать выбор между пленом и смертью, «с музыкой», неизменно бы выбрал второе. Конечно, жалко умирать в конце страшной войны, но

если Родина прикажет, то он, не задумываясь, пойдёт на самопожертвование... простой украинский мужик из огромной семьи хлеборобов.

Наш велосипед катится дальше, приближая тот миг, когда бабушка Лида выбежит навстречу с радостным криком: «Ай, де ж мій онучок!» – и её добрые тёплые руки поднимут меня к своему лицу, а губы осыпят градом горячих поцелуев. А потом будет украинский борщик с курочкой и сметанкой, горячие пышечки, чаёк с колотым сахаром вприкуску. Но это всё впереди, а пока тенистая лесопосадка, похожая на аллею городского парка, да небольшая солдатская могилка времён войны и стоящие перед ней дед и внук. Скоро мы продолжим путь к нашей общей цели. Не торопясь, он садится на велосипед и запекает песню о роще, которая дымилась под горою, и, когда доходит до слов о трёх ребятах оставшихся в живых, – обрывает её. Дед глубоко вздыхает и вновь продолжает пение. Тогда я ещё не знал, что заставило деда прервать прекрасную песню на полуслове, но спустя некоторое время понял, узнав о том, что именно в Венгрии в районе озера Балатон группа разведчиков, в которую входил и мой дед, уходила в поиск. Весна была холодной, ударили поздние морозы, приносявшие много страданий воюющим, но, как говорят разведчики: «Плохая погода – наша погода!» Необходимо было определить, где находится враг, отступивший и оставивший свои укрепленные позиции. На пути советских войск стоял небольшой венгерский городок, который уже несколько раз переходил из рук в руки, сейчас там могли быть фашисты, каждый дом и подъезд могли скрывать пулемётную точку или фаустников – уничтожителей наших танков, советское командование ожидало немецкий контрудар, ожидало, не зная пока, когда и откуда он будет нанесён.

Сильная метель и плохая видимость усложняли и в то же время упрощали решение поставленной перед разведгруппой боевой задачи. Через линию фронта шли легко, как всегда, след в след. Дозоры не обнаруживали ничего подозрительного, говорящего о присутствии немцев. Внезапно у одного из домов увидели оставленную советскую противотанковую пушку и двух наших солдат-артиллеристов. Они и сообщили, что фашисты закрепились на другой стороне улицы и, очевидно, пропускают разведчиков беспрепятственно только с одной целью – заманить в засаду и отрезать путь к отступлению. Старший лейтенант, командир разведгруппы, после недолгих раздумий собрал людей вокруг себя и вслух оценил сложившуюся обстановку. В подобных ситуациях каждый разведчик имеет право на слово. Приняли единственно правильное решение: возвращаться назад с полученной информацией, а в случае боя, принять его, но сделать всё, чтобы разведданные дошли до нашего командования во что бы то ни стало.

Сведения артиллеристов подтвердились полностью, как только группа начала движение назад. Грохот пулемётных, автоматных и винтовочных выстрелов разорвал тишину на куски. Разведчики отступали организованно. Отстреливались короткими очередями, попадать в плен никто не хотел и не собирался, ради этого каждый берёт последний патрон или гранату. И вот заняли круговую оборону. Боеприпасы были на исходе, с каждым выстрелом увеличивается количество раненых и убитых, но русские разведчики своих не бросают! Прорвались через развалины католической церкви. Немцы подключили миномёты. Но и наши услышали бой, советская артиллерия начала обстрел вражеских позиций, а оставшиеся в живых разведчики продолжили своё продвижение к передовой.

За этот бой никто не получил наград, все выполняли свою повседневную работу, в наши окопы спрыгнули только трое раненых бойцов, среди них был и мой Петрович. А пятнадцать не вернулись домой, их могилы остались на венгерской земле.

Затем была Великая Победа, возвращение домой, встреча с семьёй, восстановление донецких шахт, сильнейший послевоенный голод, вынужденный переезд в город Ткибули. Там, в Грузии, дед продолжал работать на угольной шахте и за ударный труд был награждён орденом Трудового Красного Знамени. Затем было возвращение на Донбасс, где нашла его последняя боевая награда – орден Великой Отечественной войны второй степени. До конца своих дней дедушка был уверен, что это тот самый орден, за тот самый бой на Балатоне, где «оставалось только трое из восемнадцати ребят».

Прошло много лет после войны, и в каждый праздник Победы, до последней возможности своего здоровья, он старался встать в ряды ветеранов и пройти в воинском строю по центральной улице родного Донецка как воин-освободитель.

Прошли годы, и наступило время получать заслуженное. Ветеран-инвалид Великой Отечественной отправился на ВТЭК. Это такая специально придуманная комиссия, имеющая право подтвердить или восстанавливать статус инвалидов войны и труда. Но председатель комиссии усомнился в искренности ветерана. И ответил отказом – грубым и бессердечным. Потом были обращения по инстанциям, письма в газеты, в архивы – суета сует! Махнул дед рукой на свои заслуги, взял с собой моего отца, пришёл в райком партии и высказал его руководителям свою нехитрую шахтёрскую позицию, сдабривая её крепким фронтовым словом, с которым нередко приходилось ходить в атаки на врага. Он хлопнул дверью и захромал домой. А фраза партийно-медицинского функционера застряла в его мозгу: «Тебе льготы нужны, их на всех не хватит, по всей стране ветеранов – куры не клюют!»

И тогда мой отец взял Петровича за руку и предложил поехать в военкомат города Енакиево, туда, куда он вернулся после Победы. Прибыли на место в обеденный перерыв, что не предвещало ничего хорошего. В узком коридоре военкомата встретили женщину, несущую деревянный лоток с документами. У отца ёкнуло сердце, остановились, вкратце изложили причину своего визита. Женщина сказала, что они как раз уничтожают не востребованные документы ветеранов войны. Говорят, что Бог на свете есть, и я поверил в это, потому что именно среди этих документов и нашлось дедовское удостоверение инвалида войны второй группы от тысяча девятьсот сорок четвертого года.

Петровичу шёл девяносто седьмой год, когда он ушёл в мир иной, но я, как тот пятилетний мальчишка, остаюсь убеждённым в том, что именно мой дед защитил мир от фашизма, а его оценка моих достижений и успехов осталась для меня на всю жизнь самой весомой и авторитетной наградой.

Порой в День Победы по телевизору показывают из Москвы концерт певца Хворостовского «Песни военных лет», и я замираю у экрана, впитывая в себя каждое слово и каждую звучащую ноту. Многие из этих песен мы спели с дедом в моём детстве, но остались они в моей памяти на всю жизнь. А той могилки в лесопосадке больше нет, я её недавно искал, говорят, что убрали её по распоряжению какого-то местного начальника. Но, проезжая мимо того памятного места на велосипеде, мы с моим сыном Артёмом обязательно останавливаемся и встаём рядом, как воины, отдающие почести павшим солдатам Великой Отечественной, среди которых был и наш Петрович.

